



# Артур Конан Дойл

Родни Стоун



Перевод с английского  
Раисы Облонской

*ФТМ*





Артур Конан Дойл

**Родни Стоун**

«ФТМ»

1896

**Дойл А.**

Родни Стоун / А. Дойл — «ФТМ», 1896

ISBN 978-5-4467-2796-4

Приключенческий роман «Родни Стоун» (1896) был среди произведений, любимых самим Конан Дойлом. В книге соединились три особенно близких писателю сферы: английская история, спорт и таинственность, требующая догадок и расследования. Герою книги придется не раз встретиться лицом к лицу с опасностью и проявить мужество и отвагу, чтобы наконец обрести положение, которое принадлежит ему по праву.

ISBN 978-5-4467-2796-4

© Дойл А., 1896

© ФТМ, 1896

## Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

# Артур Конан-Дойл

## Родни Стоун

### Глава 1

#### Монахов дуб

Сегодня, первого января тысяча восемьсот пятьдесят первого года, девятнадцатый век перевалил на вторую половину, и многие из нас, те, кто делил с ним юность, уже получили не одно предупреждение, что годы не прошли для нас даром. Седовласые старики, мы собираемся вместе и вспоминаем былые славные дни, но когда заговариваем со своими детьми, оказывается, что они нас не понимают. Мы жили почти так же, как наши отцы, а вот наши дети, которые не представляют себе жизни без железных дорог и пароходов, – люди иного века. Можно, конечно, засадить их за учебники истории, и из этих учебников они узнают про нашу изнурительную двадцатидвухлетнюю борьбу с великим человеком, со злым гением. Они узнают, как свобода покинула просторы Европейского континента, как была пролита кровь Нельсона и разбито благородное сердце Питта, противоборствовавших ее исчезновению, не желавших, чтобы, найдя приют у наших братьев за океаном, она навеки покинула нас. Обо всем этом они прочтут в книгах, где точно указана дата того или иного договора, той или иной битвы, но откуда они узнают про нас самих, про то, что за люди мы были, как мы жили, каким представлялся нам мир, когда мы были так же молоды, как они сегодня?

Ежели я берусь за перо, чтобы рассказать вам обо всем этом, не ждите от меня рассказа о моей собственной жизни, ибо в те дни я был еще слишком молод и, хотя оказался свидетелем иных жизненных историй, моя собственная лишь начиналась. Историю жизни мужчины создает женщина, ее любовь, а до той минуты, когда я впервые заглянул в глаза матери моих детей, должно было пройти еще немало лет. Нам кажется, что мы встретились только вчера, а ведь наши дети уже легко достают в саду сливы, нам же для этого нужна лестница, и на дорожках, где мы, бывало, гуляли, держа их крохотные ручки, мы теперь рады опереться на их сильные руки. Рассказ мой будет о той поре, когда я знал только любовь моей собственной матери, и если вы ждете чего-то иного – отложите в сторону мою повесть, она не для вас. Но если вы готовы погрузиться со мною в тот забытый мир, если вы не прочь узнать Джима и Чемпиона Гаррисонов, если хотите познакомиться с моим отцом, одним из сподвижников адмирала Нельсона, если захотите взглянуть на самого великого моряка и на Георга, впоследствии недостойного короля Англии; если к тому же вы захотите увидеть моего знаменитого дядюшку, сэра Чарльза Треджеллиса, короля щеголей, и знаменитых бойцов, чьи имена еще и сегодня не сходят у вас с языка, тогда дайте мне руку, читатель, и отправимся в путь. Но, пожалуйста, не надейтесь найти во мне занимательного гида, не то вы будете разочарованы. Когда я смотрю на свои книжные полки, я вижу, что одни только мудрецы, остроумцы и храбрецы отваживаются писать о собственной жизни. Что же до меня, то если я не глупее и не трусливее других обыкновенных людей, этого с меня вполне довольно. Одно могу сказать о себе: искусники и умельцы хвалили мою голову, а мудрецы хвалили мои руки. И хвастать мне нечем – разве только одной врожденной способностью к музыке: я легко и быстро выучиваюсь играть на всяком музыкальном инструменте. Внешность у меня самая заурядная – роста я среднего, глаза не то серые, не то голубые, а волосы, пока природа не припорошила их сединой, были то ли светлые, то ли каштановые. Впрочем, одно я, пожалуй, могу сказать с уверенностью: всю жизнь я ни разу никому не позавидовал, всегда восхищался людьми более одаренными и

всегда все видел таким, как оно есть на самом деле, в том числе и себя самого; думаю, это и дает мне право сейчас, в зрелые годы, писать свои воспоминания.

Итак, с вашего разрешения, отодвинем мою особу на самый задний план. Постарайтесь вообразить, будто я тонкая, бесцветная нить, на которую нанизываются жемчужины, и это будет как раз то, чего я хочу.

В нашем роду, в роду Стоунов, мужчины из поколения в поколение служили во флоте, и старшего сына у нас всегда нарекали именем любимого адмирала отца. Так можно проследить нашу родословную до самого Вернона Стоуна, который в сражении с голландцами командовал остроносим пятидесятипушечным кораблем с высокой кормой. После него был Хоук Стоун, потом Бенбоу Стоун и, наконец, мой батюшка, Энсон Стоун, который, в свою очередь, в году от Рождества Христова 1786-м в приходской церкви Св. Фомы в Портсмуте дал мне при крещении имя Родни.

Стоит мне поднять сейчас голову, как я вижу в саду за окном своего рослого мальчика, и если я его окликну, вы поймете, что и я остался верен традициям нашего рода: его зовут Нельсон.

Моя дорогая матушка, лучшая из матерей, была второй дочерью преподобного Джона Треджеллиса, священника в Милтоне, скромном сельском приходе, граничащем с Лэнгстонскими топиями. Семья ее была небогатая, но с положением, ибо ее старший брат был тот самый сэр Чарльз Треджеллис, который унаследовал богатство одного индийского купца и был одно время притчей во языцех, да к тому же состоял в близкой дружбе с принцем Уэльским. Далее я еще расскажу вам о нем, а пока заметьте только, что он был мой родной дядя и брат моей матушки.

Я помню ее на протяжении почти всей ее прекрасной жизни, ибо она вышла замуж очень юной, и в ту пору, когда я впервые запомнил ее нежный голос и хлопотливые руки, она была еще совсем молоденькая. Матушка представляется мне прелестной женщиной с добрыми, кроткими глазами, роста, правда, небольшого, но зато с горделивой осанкой. Помню, в те дни она всегда носила платья из какой-то сиреневой переливающейся ткани и белый платок на высокой белой шее, и ее ловкие пальцы, вооруженные вязальным крючком или спицами, сновали, как челнок. Вот она передо мной в зрелых годах, нежная и любящая, что-то придумывает, изобретает, изворачивается, чтобы на скудное лейтенантское жалованье вести хозяйство и не ударить лицом в грязь перед соседями. И теперь, стоит мне только войти в гостиную, и я снова ее вижу – за плечами у нее восемьдесят с лишним лет безгрешной жизни, волосы уже совсем седые, лицо спокойное; на ней изящный, отделанный лентами чепец, очки в золотой оправе, на плечах шерстяная шаль с голубой каймой. Я любил ее молодую и люблю в старости, и, когда ее не станет, она унесет с собою что-то, чего уже никогда ничем не заменишь. У вас, быть может, много друзей, читатель, вы, быть может, не однажды вступали в брак, но мать у вас одна, и второй не будет, а потому лелейте ее, пока можете, ибо настанет день, когда всякий опрометчивый поступок, всякое сказанное ей необдуманное слово вновь вернется к вам и еще большее ужалит ваше собственное сердце.

Такова была моя матушка. Что до моего батюшки, то я смогу описать его лучше, как только дойду в своем рассказе до времени, когда он вернулся домой со Средиземного моря. Все детство я знал лишь его имя да лицо на миниатюре, которую матушка всегда носила на шее в медальоне. Поначалу мне говорили, что он сражается с французами, а потом, с годами, стали говорить уже не о французах, а все больше о генерале Буонапарте. Помню, с каким благоговейным страхом я смотрел на гравированный портрет великого корсиканца, выставленный в витрине книжного магазина на Томас-стрит в Портсмуте. Так вот он каков, заклятый враг, в жестоком и нескончаемом поединке с которым прошла жизнь моего батюшки! В моем детском воображении они дрались один на один, и я всегда представлял себе, что мой отец и этот бритый тонкогубый господин сошлись в рукопашную и никак не могут одолеть друг друга в

смертельной, затянувшейся на годы схватке. И только в школе я понял, как много на свете мальчиков, чьи отцы, как и мой, сражались с Буонапарте.

За все эти долгие годы батюшка мой лишь однажды побывал дома – вот что значило в те дни быть женой моряка. Он приехал к нам почти сразу после того, как мы переселились из Портсмута в Монахов Дуб, и пожил с нами неделю перед тем, как отправиться в плавание с адмиралом Джервисом, чтобы помочь ему стать лордом Сент-Винсентом. Помнится, он испугал и пленил меня бесконечными рассказами о сражениях, и я вспоминаю, точно это было вчера, с каким ужасом я глядел на пятно крови на кружевной манжетке его рубашки, хотя появилось оно, конечно же, всего лишь из-за оплошности при бритье. Но в ту пору я не сомневался, что это кровь какого-нибудь поверженного француза или испанца, и в ужасе отшатывался, когда он гладил меня по голове своей загрубевшей рукой. Потом он уехал, и матушка горько плакала, а я глядел, как его синий мундир и белые панталоны удаляются по садовой дорожке, и не испытывал ни малейшего огорчения – со свойственным ребенку бессознательным эгоизмом я чувствовал, что без него мы с матушкой гораздо ближе друг другу.

Когда мы переехали из Портсмута в Монахов Дуб, мне шел одиннадцатый год; перебраться в это небольшое селение в графстве Суссекс, к северу от Брайтона, нам посоветовал мой дядя, сэр Чарльз Треджеллис: тут неподалеку была расположена усадьба одного из его высокопоставленных друзей, лорда Эйвона. Мы покинули Портсмут, потому что сельская жизнь дешевле, и, кроме того, вне круга людей, которым матушка по своему положению вынуждена была оказывать гостеприимство, она могла без большого труда сохранить видимость уклада, какой подобает благородному семейству. То были тяжелые времена для всех, кроме фермеров, – они, как я слышал, вполне могли возделывать лишь половину своей земли и все-таки жить припеваючи: пшеница в ту пору была в цене, она стоила по сто десять шиллингов за четверть, а четырехфунтовый хлеб – шиллинг и девять пенсов. И даже в нашем скромном домике мы сводили концы с концами только благодаря тому, что отец служил на одном из кораблей эскадры, державшей блокаду, где изредка перепадал случай получить призовые. Линейные корабли, крейсировавшие у Бреста, не могли заработать ничего, кроме славы, но фрегаты захватывали каботажные суда, которые – таков был закон – становились собственностью флота, весь их груз обращался в деньги, и их выдавали в качестве призовых.

Таким образом, денег, которые посылал отец, хватало на то, чтобы содержать дом и отдать меня в школу мистера Джошуа Аллена, где за четыре года я превзошел все, чему он мог научить. Там я и познакомился с Джимом Гаррисоном, племянником деревенского кузнеца, Чемпиона Гаррисона. Малыш Джим мы его называли. Вот он передо мной, каким он был в то время, – большие, нескладные и неловкие руки и ноги, точно лапы у щенка ньюфаундленда, а лицо такое, что все женщины на него оглядывались. В те дни и началась наша дружба, дружба, которая продолжалась всю жизнь и сейчас, на склоне лет, все еще связывает нас узами братства. Я помогал ему делать уроки, ибо самый вид книги внушал ему отвращение, а он, в свою очередь, учил меня боксировать, бороться, ловить руками форель в Эйдре и ставить ловушки на кроликов, – руки его были так же скоры, как неторопливая мысль. Но он был двумя годами старше меня и задолго до того, как я кончил учение, начал помогать своему дяде в кузнице.

Монахов Дуб расположен в одной из долин Даунса, и столб с пометой «сорок третья миля» на пути от Лондона к Брайтону стоит как раз на окраине. Это совсем небольшое селение с увитой плющом церковью, красивым домом священника и выстроившимися в ряд домиками из красного кирпича, каждый в своем собственном садике. На одном конце перед домом Чемпиона Гаррисона стояла кузница, а на другом – школа мистера Аллена. Мы жили в желтом домике чуть поодаль от дороги; его второй этаж был слегка выдвинут вперед, и из штукатурки выступали черные деревянные балки. Не знаю, цел ли он там и поныне, но скорее всего цел, ибо в таких местах веками ничего не меняется.

Прямо напротив нас, через широкую меловую дорогу, стояла гостиница, которую в ту пору содержал Джон Каммингз; в нашем селении Каммингз пользовался отличной репутацией, но вдали от дома способен был, как вы увидите дальше, на странные выходки. Хотя движение на дороге было довольно оживленное, но от Брайтона до нас было рукой подать, и лошади не успевали притомиться; тем же, кто ехал из Лондона, не терпелось поскорей добраться до места, так что, если бы не случались какие-нибудь поломки да не соскакивали колеса, хозяину приходилось бы рассчитывать на одних только сельских выпивох. В те дни принц Уэльский только что возвел у моря дворец, и в брайтонский сезон, то есть с мая по сентябрь, мимо наших дверей каждый божий день с грохотом проносилось от ста до двухсот карет, колясок и фаэтонов. Летними вечерами мы с Джимом нередко растягивались на траве при дороге, во все глаза глядели на знатных господ и громкими радостными криками встречали лондонские экипажи; они с грохотом мчались мимо, окутанные облаками пыли, коренники и передовые кони тянули изо всех сил, пронзительно заливались рожки, на кучерах были шляпы с низкими тульями и с изогнутыми полями, и лица их пылали таким же алым цветом, как их ливреи. Когда Джим криками приветствовал пассажиров, они лишь смеялись, но если бы они могли разглядеть его большие, хоть и не совсем еще оформившиеся руки и ноги и широкие плечи, они, быть может, поглядели бы на него внимательнее и не оставили бы его приветствие без ответа.

Джим не помнил ни отца, ни матери, он все детство прожил со своим дядей, Чемпионом Гаррисоном. Гаррисон был сельский кузнец, а Чемпионом его прозвали потому, что он выступал против Тома Джонсона, когда тот был чемпионом Англии, и, конечно, побил бы его, если бы бедфордширские власти не прервали бой. Многие годы не было в Англии такого выносивого боксера, как Гаррисон, и никто лучше его не умел нанести последний решающий удар, хотя, как я понимаю, он не был скор на ноги. А потом случилось так, что в бою с Черным Барухом он под конец нанес такой сокрушительный удар, что тот не только перелетел через канаты, но и долгие три недели находился между жизнью и смертью. Все это время Гаррисон был точно помешанный, он каждую минуту ждал, что вот сейчас тяжелая рука полицейского опустится ему на плечо и его будут судить за убийство. Этот случай и мольбы жены заставили его навсегда отказаться от бокса, и всю свою недюжинную силу он направил на ту единственную профессию, в которой был от нее толк. Суссекским фермерам и многочисленным проезжим постоянно требовались услуги кузнеца, так что Гаррисон быстро разбогател и, сидя по воскресеньям в церкви с женой и племянником, выглядел человеком весьма почтенным.

Росту Гаррисон был небольшого, всего пяти футов и семи дюймов, и, будь у него руки хоть на дюйм длиннее, он ни в чем бы не уступил Джексону или Белчеру в их лучшую пору. Грудь у него была колесом, а таких могучих предплечий я в жизни не видал: набухшие мышцы походили на обточенные волнами камни, а между ними пролегали глубокие впадины. Несмотря на огромную силу, он был человек тихий, благонравный и добрый – всеобщий любимец в нашей округе. Его крупное, невозмутимое, выбритое лицо становилось в иных случаях очень суровым, но для меня, да и для всех детей у него всегда находилась приветливая улыбка и веселый взгляд. Все нищие, сколько их было в нашей округе, знали, что сердце его так же мягко, как тверды мышцы.

Больше всего на свете он любил рассказывать про свои бывшие схватки, но стоило невдалеке показаться его женушке, как он тут же замолкал, ибо одна тень постоянно омрачала ее жизнь: она боялась, что рано или поздно он забросит кувалду и рашпиль и снова вернется на ринг. Не забывайте, что в ту пору бокс не утратил еще доброй славы. Но постепенно общественное мнение стало относиться к нему враждебно по той причине, что он перешел в руки мошенников и около ринга начали подвизаться всякие негодяи. Даже самый честный и храбрый боксер невольно оказывался средоточием всяческих подлостей и спекуляций, так же как это бывает с ни в чем не повинными благородными скаковыми лошадьми. Вот почему бокс



доживает в Англии последние дни, и можно думать, что, когда Конту и Бендиго придет конец, заменить их будет некому. Но в дни, о которых я рассказываю, все было совсем иначе. Общественное мнение всячески поддерживало бокс, и на то были серьезные причины. Шла война; армия и флот Англии состояли сплошь из добровольцев, вояк по призванию, и им предстояло, как и в наши дни, противостоять государству, которое в силу царившего в нем деспотизма могло любого гражданина превратить в солдата. Если бы англичане не были одержимы страстью ко всякого рода поединкам, Англии бы не миновать поражения. И в ту пору полагали – и не без оснований, – что схватка двух бесстрашных бойцов на глазах у тридцати тысяч зрителей, которую к тому же обсуждают еще три миллиона человек, помогает воспитывать в людях смелость и выносливость. Спорт этот, что и говорить, жестокий, и именно жестокость приведет его к гибели, но он не так жесток, как война, которая его переживет. Разумно ли поэтому воспитывать граждан в духе миролюбия сейчас, когда от их воинственности может зависеть само их существование, – это решать людям поумнее меня. Но так мы судили в дни, когда были еще живы ваши деды, и вот почему такие государственные мужи и филантропы, как Уиндем, Фокс и Олторп, всячески поддерживали ринг.

Покровительство столь достойных людей уже само по себе, казалось, было залогом того, что на ринге не будет места ни мошенничеству, ни грязи, которые в конце концов туда проникли.

Больше двадцати лет, в дни Джексона, Брейна, Крибба, Белчеров, Пирса, Галли и других, на ринге задавали тон люди, чья честность была вне подозрений, и именно в это двадцатилетие ринг, как я уже говорил, способствовал благу государства. Всем известно, что Пирс в Бристоле вынес из горящего дома девушку, что Джексон заслужил уважение и дружбу лучших умов тех дней, что Галли был избран в первый после реформы парламент. Вот каковы были тогда лучшие боксеры, да к тому же каждому было ясно, что пьянице или развратнику здесь не преуспеть. Разумеется, в семье не без урода – были и негодяи вроде Хикмена и грубые животные вроде Беркса; но в большинстве это были люди честные, храбрые, невероятно выносливые, и они делали честь стране, которая их взрастила. Как вы увидите дальше, мне довелось познакомиться с некоторыми из них довольно близко, и я знаю, что говорю.

Все наше селение очень гордилось, что среди нас живет такой человек, как Чемпион Гаррисон, и всякий, кто останавливался в гостинице, непременно шел к кузнице, чтобы взглянуть на него. И поглядеть было на что, особенно зимним вечером, когда они с Джимом размахивали молотами и при каждом ударе по раскаленному лемеху плуга разлетались во все стороны искры, окружая их сверкающим ореолом, а красное сияние горна бросало отсвет на могучие бицепсы дяди и на гордый ястребиный профиль племянника. Чемпион Гаррисон с размаху ударял один раз тридцатифунтовой кувалдой, а Джим дважды ручным молотом, и стоило мне услышать «кланк, клинк-клинк, кланк, клинк-клинк!», как я тут же со всех ног бежал к кузнице в надежде, что, раз оба они у наковальни, меня, быть может, допустят к кузнечным мехам.

За все годы, прожитые в Монаховом Дубе, мне вспоминается лишь один случай, когда Чемпион Гаррисон на мгновение вдруг стал тем человеком, каким был прежде. Как-то летом, поутру, когда мы с Джимом стояли у дверей кузницы, на дороге со стороны Брайтона показалась карета, запряженная четырьмя свежими лошадьми; медь на сбруе празднично сияла, и мчалась карета с таким веселым звоном и громом, что Чемпион выскочил из кузницы, держа в руках еще зажатую клещами подкову. Господин в белой кучерской пелерине – знатный рингоман, как мы тогда называли аристократов – покровителей бокса, – правил коляской, а полдюжины его приятелей с хохотом и криками теснились у него за спиной. Быть может, он заметил рослого кузнеца и захотел подшутить над ним, а может, то была чистая случайность, но, когда карета мчалась мимо кузницы, двадцатифутовый кнут со свистом разрезал воздух и хлестнул по кожаному фартуку Гаррисона.

– Эй, сударь! – закричал кузнец вслед коляске. – Вам на козлах не место, вы еще с кнутом не научились управляться.

– Что такое? – воскликнул проезжий, осаживая лошадей.

– Советую вам поостеречься, господин хороший, не то не миновать кому-то окриветь на этой дороге.

– Ах, вот как? – сказал проезжий, вкладывая кнут в гнездо и стаскивая кучерские перчатки. – Сейчас я с тобой побеседую, любезный.

В ту пору знатные повесы были по большей части отличные боксеры, ибо тогда считалось модным пройти курс у Мендосы, как несколько лет спустя всякий светский человек почитал своим долгом потренироваться с Джексоном.

Удалые и заносчивые, они никогда не упускали возможности подраться, и почти всегда их случайные противники – лодочники, матросы – оказывались нещадно биты. И этот господин, видно, не сомневался в исходе стычки: он живо соскочил с козел, сбросил пелерину на трепало и изящно подвернул кружевные манжеты белой батистовой рубашки.

– Сейчас я тебе заплачу за совет, братец!

Господа, сидящие в карете, без сомнения, знали, кем был силач-кузнец, и, видя, в какую переделку попал их приятель, предвкушали отличное развлечение. Они громко хохотали и развеселыми голосами подавали ему всевозможные советы.

– Посбейте с него сажу, лорд Фредерик! – кричали они. – Покажите этому задире, где раки зимуют. Вываляйте в его собственной золе! Поживей, не то он даст тягу.

Распаленный этими криками, молодой аристократ с угрожающим видом направился к противнику. Кузнец словно врос в землю, губы его сурово сжались, и нахмурились кустистые брови над зоркими серыми глазами. Клещи он бросил, и руки его свободно повисли по бокам.

– Поберегись, господин хороший, – сказал он. – Не то как бы не было худа.

Голос его звучал так уверенно, все в нем дышало таким спокойствием, что молодой лорд насторожился. Он пристальнее взгляделся в противника и вдруг раскрыл рот и опустил руки.

– Черт подери! – воскликнул он. – Да ведь это Джек Гаррисон!

– Он самый, сударь.

– А я-то принял вас за какого-то грубияна. Да я не видел вас с того самого дня, когда вы чуть не убили Черного Баруха. Пришлось мне тогда выложить кругленькую сумму!

Ну и хохотали же его приятели!

– Попался! Попался, черт возьми! – вопили они. – Это Джек Гаррисон, боксер! Лорд Фредерик хотел одолеть бывшего чемпиона. Стукни его разок, Фред, и посмотри, что будет.

Но тот, хохоча чуть ли не громче всех, уже снова взобрался на козлы.

– На сей раз прощается, Гаррисон, – сказал он. – А это ваши сыновья?

– Это мой племянник, сударь.

– Вот ему гиня! Ему не придется жаловаться, что я лишил его дяди.

И так, посмеявшись над самим собой, он отвратил от себя насмешки приятелей, хлестнул лошадей, карета помчалась дальше, и через пять часов седоки уже были в Лондоне; Джек Гаррисон посмотрел вслед карете и, посвистывая, вернулся в кузницу кончать подкову.

## Глава 2

### Шаги в замке

Ну, хватит о Чемпионе Гаррисоне. Теперь я хочу рассказать поподробнее о Джиме – не только потому, что он был другом моего детства и юности, но и потому, что, как вы увидите дальше, эта книга повествует не столько обо мне, сколько о нем, и еще потому, что впоследствии он прославился и его имя было у всех на устах. Так что потерпите, пока я буду рассказывать о том, каков он был в те далекие времена, и особенно об одном удивительном происшествии, которое оба мы, вероятно, никогда не забудем.

Странно было видеть Джима рядом с его дядей и теткой – казалось, он был существом другой породы. Я часто видел, как все семейство в воскресный день входило в церковь – широкоплечий, коренастый мужчина, за ним маленькая, усталая, с тревожным взглядом женщина и позади чудесный юноша – четко очерченный профиль, черные кудри, а походка такая пружинистая, легкая, словно он не испытывал на себе силы притяжения, как все прочие тяжело ступавшие по земле жители наших мест. Он еще не достиг тогда своих шести футов росту, но у всякого мужчины (а уж о женщинах и говорить нечего) при одном взгляде на его широко развернутые плечи, узкие бедра, на гордую, орлиную посадку головы делалось радостно на душе, как бывает при виде всего прекрасного в природе, – когда кажется, что и ты тоже помогал сотворить это чудо красоты.

Но красоту мужчины мы привыкли связывать с изнеженностью. Не знаю, почему так повелось, и уж про Джима этого, во всяком случае, никак нельзя было сказать. Из всех, кого я знал, он был самый выносливый – и телом и душой. Кто из всех нас мог сравняться с ним в ходьбе, в беге, в плавании? Кто, кроме него, решился бы взобраться на стофутовый Уолстонский утес, а потом спуститься, не испугавшись самки сокола, которая вилась, хлопая крыльями, над самой его головой, тщетно пытаясь не подпустить его к своему гнезду? Ему едва исполнилось шестнадцать, и еще не все его кости окрепли и отвердели, а он уже одолел в бою цыгана Ли, который называл себя «Коноводом Южного Даунса». После этой драки Чемпион Гаррисон принялся сам обучать его боксу.

– Лучше бы ты не привыкал давать волю кулакам, Джим, – сказал он. – И тетка будет рада. Но уж если тебе без этого никак нельзя, я буду не я, если ты хоть перед кем отступишь в наших краях.

И он очень скоро сдержал свое обещание.

Я уже говорил, что книг Джим не любил, но это касалось только школьных учебников, ибо, когда ему попадался роман с приключениями, его, бывало, не оторвешь, пока он не дочитает все до конца. Стоило ему заполучить такую книгу – и Монахов Дуб и кузница переставали существовать, и он вместе с героями плавал по морям и океанам или путешествовал по всему свету. Джим и меня заражал своей увлеченностью, так что, когда он провозгласил себя Робинзоном, а рожицу в Клейтоне – необитаемым островом, где нам предстоит провести неделю, я с радостью согласился стать Пятницей. Но когда оказалось, что нам и вправду надо ночью спать под деревьями без подушек и одеял и что пищей нам должны служить овцы (он называл их дикими козами), изжаренные на костре, а огонь мы будем добывать из двух палок, которые заменят нам трут и огниво, мужество мне изменило, и я в первую же ночь сбежал домой. Но Джим оставался на своем острове всю долгую и к тому же сырую неделю, и возвратился он куда больше похожий на дикаря и куда более грязный, чем его герой на картинках в книжке. Хорошо, что он решил провести там всего неделю, ибо за месяц он бы умер от голода и холода, потому что вернуться домой ему бы не позволила гордость.

Гордость – вот что было главное в его натуре. На мой взгляд, гордость – это и достоинство и недостаток: достоинство – потому, что она удерживает человека от падения, от грязи; недостаток – потому, что, уж если человеку все-таки случилось упасть, она мешает ему подняться. Джим был гордец до мозга костей. Помните, молодой лорд, усевшись на козлы, бросил ему гинею? Два дня спустя кто-то подобрал ее в грязи на дороге. Джим лишь проводил ее взглядом, но не соизволил даже показать на нее нищему. И объяснять подобный поступок он ни за что не стал бы, а на все уговоры только презрительно скривил бы губы да сверкнул глазами. Джим и в школе вел себя так же, и столько в нем было чувства собственного достоинства, что и другим приходилось с этим считаться. Он вполне способен был заявить и заявил, что прямой угол – это не кривой угол или что Панама находится в Сицилии, но старик Джошуа Аллен и не подумал отделать его линейкой, как не подумал бы спустить подобную дерзость мне или кому-нибудь еще. Так что, хоть Джим был совсем никто, а я сын офицера его величества, я всегда считал, что он оказал мне большую честь, став моим другом.

Гордость Джима вовлекла нас однажды в историю, при воспоминании о которой у меня и сегодня волосы становятся дыбом.

Случилось это в тысяча семьсот девяносто девятом году, в августе или в самом начале сентября; помню только, что мы слышали, как в Пэтчемской роще куковала кукушка и Джим сказал, что, наверно, она кукует последние денечки. Я тогда еще ходил в школу, а Джим уже нет: ему было в ту пору без малого шестнадцать, а мне – тринадцать. По субботам уроки у нас кончались рано, и на этот раз мы почти весь день провели на холмах. Мы отправились в наше любимое местечко, за Уолстонбери, там можно было растянуться во всю длину на мягкой, упругой, припорошенной мелом траве, среди пушистых овечек, и болтать с пастухами, которые опирались на свои диковинные посохи, выделанные еще в те дни, когда в Суссексе производили больше железа, чем во всех прочих графствах Англии, вместе взятых.

Там-то мы и лежали в тот чудесный день. Стоило нам повернуться на правый бок – и перед нами оказывалась вся Южная Англия: в оливково-зеленых изгибах и складках, то там, то сям прорезанных белыми расщелинами меловых карьеров; а если повернуться на левый бок – далеко внизу расстилалась широкая синяя гладь Ла-Манша. Помню, в тот день по нему плыл караван судов – впереди, сбившись в кучу, несмело двигались «купцы»; по бокам, точно хорошо обученные овчарки, – фрегаты; а замыкали процессию два могучих гуртовщика, два линейных корабля. Мысли мои устремились к отцу, который тоже где-то сейчас плавал, но тут Джим вернул меня на землю, точно чайку с переломанным крылом.

– Родди, – окликнул он меня, – ты слышал, что в замке водятся привидения?

Слышал ли я! Еще бы! Да разве можно было сыскать во всей нашей округе хоть единого человека, который не слышал бы про привидение в замке?

– И ты знаешь, что там случилось?

– А как же? – сказал я не без гордости. – Кому же и знать, как не мне, ведь брат моей матери, сэр Чарльз Треджеллис, был самый близкий друг лорда Эйвона и играл у него в карты в тот самый день, когда это случилось. Да еще совсем недавно, на прошлой неделе, я слышал, как матушка говорила об этом со священником, и до того ясно все это представляю, будто своими глазами видел, как произошло убийство.

– Странная история, – задумчиво сказал Джим, – а когда я стал расспрашивать тетку, она не захотела мне отвечать, а дядя и вовсе слова не дал вымолвить.

– Ничего удивительного, – ответил я, – ведь, говорят, лорд Эйвон был лучшим другом твоего дяди; конечно, ему неохота вспоминать про его позор.

– Расскажи мне, Родди.

– Это случилось давно, четырнадцать лет прошло, а никто до сих пор так ничего и не знает. Они приехали из Лондона вчетвером, хотели пожить несколько дней в старом замке лорда Эйвона. Его младший брат, капитан Баррингтон, и его родич сэр Лотиан Хьюм; третьим



был мой дядя, сэр Чарльз Треджеллис, а четвертым – сам лорд Эйвон. Все эти господа больше всего любят играть в карты на деньги, и они играли два дня кряду и одну ночь. Лорд Эйвон был в проигрыше, и сэр Лотиан, и мой дядя, а капитан Баррингтон все выигрывал и выигрывал, пока у них ничего больше не осталось. Он выиграл у них все деньги, но, самое главное, он выиграл у старшего брата какие-то бумаги, которыми тот очень дорожил. Игру кончили в понедельник поздней ночью. А во вторник утром капитана Баррингтона нашли на полу у его постели с перерезанным горлом.

– И убил его лорд Эйвон?

– На каминной решетке нашли наполовину сожженные бумаги лорда Эйвона. Убитый зажал в руке манжету лорда Эйвона, возле тела валялся нож лорда Эйвона.

– Значит, его повесили?

– Не успели. Он дождался, пока его уличили, и сбежал. С той поры его никто не встречал, но, говорят, он добрался до Америки.

– А привидение бродит по дому?

– Его многие видели.

– А почему дом до сих пор пустует?

– Потому что он под охраной закона. У лорда Эйвона не было детей, а сэр Лотиан Хьюм – это который играл тогда с ними в карты – его племянник и наследник. Но он не имеет права ничем распорядиться, пока не докажет, что лорд Эйвон умер.

Джим молча пощипывал пальцами невысокую траву.

– Родди, – сказал он наконец, – пойдешь со мной нынче ночью смотреть привидение?

При одной мысли об этом меня бросило в дрожь.

– Меня матушка не пустит.

– А ты сбеги из дому потихоньку, как она ляжет спать. Я буду ждать у кузницы.

– В замке все двери заперты.

– А я открою окно, это нетрудно.

– Я боюсь, Джим.

– Но ведь мы пойдем вместе, чего ж бояться, Родди. Ты на меня положишься, и никакие привидения тебя не тронут.

И я дал ему слово, что приду, но в этот день во всем Суссексе не было мальчишки несчастнее меня. Джиму все нипочем! А все его гордость, это она влечет его в замок. Он должен пойти хотя бы потому, что ни один человек в нашей округе на это не решится. Но у меня-то такой гордости нет. Я такой же, как все, и для меня провести ночь в замке с привидениями все равно что провести ее у виселицы Джейкоба на пустыре Дичлинга. Но не мог же я обмануть Джима, и я слонялся по дому, такой бледный и несчастный, что моя дорогая матушка решила, будто я наелся зеленых яблок и потому мне надо лечь пораньше, а вместо ужина выпить настой ромашки.

В те времена Англия укладывалась спать рано, ибо лишь очень немногие могли себе позволить роскошь покупать свечи. Когда пробило десять, я выглянул из окна – селение погружено было во тьму, только в гостинице еще горел огонь. Наши окна были совсем невысоко над землей, так что я выбрался из дому без труда, Джим уже ждал меня у кузницы. Мы вместе пересекли луг, миновали ферму Риддена и встретили по пути только двух или трех верховых. Дул свежий ветер, луна то пряталась, то проглядывала между облаками, дорога то серебрилась, то погружалась в непроглядную тьму, и мы забредали в заросли ежевики или вереска, росшего по обочинам. Наконец мы подошли к деревянным воротам с высокими каменными столбами и, поглядев сквозь решетку, увидели длинную дубовую аллею, а в глубине этого мрачного туннеля бледный лик дома, тускло светящийся под луной.

С меня было вполне достаточно одного вида этого дома и вздохов и стонов ночного ветра в ветвях. Но Джим распахнул калитку, и мы двинулись по аллее, а гравий поскрипывал у нас

под ногами. Старый дом вздымался высоко в небо, на стеклах множества окошек мерцали лунные блики, три его стены омывал ручей. Вскоре мы приблизились к высокой двери под аркой, сбоку от нее висела на петлях решетка.

– Нам повезло, Родди, – прошептал Джим. – Одно окно открыто.

– А может, хватит, а, Джим? – сказал я, стуча зубами от страха.

– Я тебя подсажу.

– Нет-нет, я не хочу первый.

– Тогда я сам полезу.

Он ухватился за подоконник, и вот его колено уже на окне.

– Ну, Родди, давай руки.

Рывком он подтянул меня вверх, и в следующее мгновение мы оба были в доме с привидениями.

Деревянный пол гулко охнул, когда мы спрыгнули с подоконника, казалось, внизу глухими раскатами отдавалось эхо. Мы застыли на месте, но тут Джим расхохотался.

– Ну совсем как старый барабан! – воскликнул он. – Сейчас засветим огонь, Родди, и поглядим, что тут есть.

У него в кармане оказались свеча и трутница. Пламя разгорелось, и мы увидели каменный свод и широкие сосновые полки, уставленные запыленной посудой. Мы попали в буфетную.

– Сейчас я покажу тебе дом, – весело сказал Джим и, распахнув дверь, первым вступил в зал. Помню высокие, с дубовыми панелями стены, украшенные оленьими головами, и в углу – белый мраморный бюст, при виде которого у меня сердце ушло в пятки. Отсюда можно было попасть во многие комнаты, и мы переходили из одной в другую – кухня, посудная, малая гостиная, столовая, – и всюду так же душно пахло пылью и плесенью.

– Тут они играли в карты, Джим, – вполголоса сказал я. – Вот за этим самым столом.

– Смотри-ка, и карты еще лежат! – воскликнул Джим и снял со столика побуревшее полотенце. Под ним и в самом деле оказались игральные карты, колод сорок, не меньше, – они лежали на этом месте с той самой трагической ночи, когда здесь играли в последний раз – еще до того, как я родился.

– Интересно, куда ведет эта лестница? – сказал Джим.

– Не ходи туда! – закричал я и схватил его за руку. – Она, наверно, ведет в комнату, где его убили.

– Откуда ты знаешь?

– Священник говорил, что на потолке они увидели... Ой, Джим, и сейчас видно!

Он поднял свечу – прямо над нами на белой штукатурке темнело большое пятно.

– Кажется, ты прав, – сказал Джим, – но я все равно пойду погляжу.

– Не надо, Джим, не надо! – взмолился я.

– Замолчи, Родди! Если боишься, можешь не ходить. Я мигом вернусь. Что толку искать встречи с привидениями, если... Боже милостивый, кто-то спускается по лестнице!

Я тоже услышал шаркающие шаги в комнате наверху, потом под чьими-то ногами скрипнула ступенька – раз, другой, третий... Лицо Джима было словно выточено из слоновой кости – рот полуоткрыт, глаза устремлены на черный проем двери, за которым начиналась лестница. Он все еще держал свечу в высоко поднятой руке, но пальцы его вздрагивали, и тени прыгали со стен на потолок. У меня просто подкосились ноги – я опустился на пол и скорчился позади Джима, и крик ужаса замер у меня в гортани. А шаги приближались.

Потом, едва осмеливаясь смотреть и, однако, не в силах отвести глаз, я различил в углу, где начиналась лестница, смутные очертания человеческой фигуры. Стало так тихо, что я слышал, как бьется мое перепуганное сердце, а когда снова поднял глаза, фигура исчезла, и только

вновь глухо поскрипывали ступени. Джим кинулся вдогонку, а я почти без чувств остался в комнате, освещенной теперь лишь луной.

Но так продолжалось недолго. Джим вернулся, взял меня под руку и потащил прочь из дома. Он заговорил, лишь когда мы очутились в прохладном ночном саду.

– Можешь стоять на ногах, Родди?

– Могу, только меня трясет.

– Меня тоже, – сказал он, проводя рукой по лбу. – Прости меня, Родди. Напрасно я впутал тебя в такую историю. Но я думал, это все одни разговоры. Теперь-то и я вижу, что нет.

– Джим, а вдруг это был человек? – спросил я; на свежем воздухе, услышав лай собак на окрестных фермах, я немножко пришел в себя.

– Это был дух, Родди.

– Откуда ты знаешь?

– Я шел за ним по пятам – и он ушел в стену, точно угорь в песок. Родди, ты что, что с тобой?

Все мои страхи снова вернулись, и меня опять стала бить дрожь.

– Уведи меня отсюда, Джим! Уведи меня! – закричал я. А сам не мог отвести глаз от дубовой аллеи. Джим посмотрел туда же. В темноте кто-то шел под дубами прямо к нам.

– Тише, Родди! – прошептал Джим. – Клянусь богом, будь что будет, но теперь уж я его поймаю.

Мы замерли, неподвижные, точно стволы деревьев позади нас. Кто-то тяжело ступал по песку, и из тьмы на нас надвинулась коренастая фигура.

Джим ринулся на нее, как тигр.

– Уж ты-то, во всяком случае, не дух! – воскликнул он.

Человек удивленно вскрикнул, потом яростно взревел:

– Что за черт! Пусти, не то я сверну тебе шею.

Сама по себе эта угроза не подействовала бы на Джима, если бы не знакомый голос.

– Дядя! – воскликнул он.

– Да это же Джим, черт меня подери! А еще кто? Провалиться мне на этом месте, да это же Родни Стоун! Какая нелегкая занесла вас сюда в такой час?

Мы вышли на освещенное луной место – перед нами стоял Чемпион Гаррисон собственной персоной, на плече большой узел, а лицо такое удивленное, что, не будь я до смерти напуган, я бы непременно улыбнулся.

– Мы исследуем, что тут скрывается, – ответил Джим.

– Исследуете, вон что? Да, капитана Кука из вас не выйдет, ни из одного, ни из другого, уж больно вы оба позеленели. Что с тобой, Джим, чего ты испугался?

– Я не испугался, дядя. Я ничего не боюсь, просто мне раньше не приходилось встречаться с духами, и...

– С духами?

– Я был в доме, и мы видели привидение.

Чемпион присвистнул.

– Так вот что вам тут понадобилось! – сказал он. – Ну как, перемолвились вы с ним словечком?

– Оно исчезло.

Чемпион снова присвистнул.

– Слышал я, что здесь водится какая-то нечисть, – сказал он, – но мой вам совет: держитесь от всего этого подальше. С людьми и на этом свете хлопот не оберешься, Джим, и нечего из кожи вон лезть, чтобы повстречаться еще и с выходцами с того света. Ну, а на Родни Стоуне совсем лица нет. Если б матушка увидела его сейчас, она бы уж больше никогда не пустила его в кузню. Идите потихоньку, я вас догоню и провожу домой.

Мы прошли с полмили, когда Гаррисон нагнал нас, я заметил, что узла у него на плече уже не было.

Когда мы подошли почти к самой кузнице, Джим задал вопрос, который все время вертелся у меня на языке:

– А вы-то зачем ходили в замок, дядя?

– С годами у человека появляются обязанности, о которых несмышлениши вроде вас и понятия не имеют, – сказал он. – Когда вам будет под сорок, вы, может, и сами это поймете.

Больше нам ничего не удалось из него вытянуть; но хоть я был в ту пору еще совсем мальчишка, я слышал разговоры про контрабандистов и про тюки, которые они ночью прячут в укромных местечках, так что с той ночи, стоило мне узнать, что береговая охрана поймала очередную жертву, я не успокаивался, пока не видел в дверях кузницы веселую физиономию Чемпиона Гаррисона.



## Глава 3

### Актёрка из Энсти-Кросса

Я рассказал вам кое-что про Монахов Дуб и про то, как мы там жили. Теперь, когда память возвратила меня в старые места, я с радостью задержусь там, ибо каждая нить из клубка прошлого тянет за собою другие нити. Когда я взялся за перо, меня одолевали сомнения, я не знал, достанет ли мне событий на целую книгу, но теперь вижу, что вполне мог бы написать книгу об одном только Монаховом Дубе и о людях моего детства. Кое-кто из них был, без сомнения, суров и неотесан, но сквозь золотистую дымку времени все они кажутся мне милыми и славными. Вот наш добрый священник, мистер Джефферсон, он любил весь мир, кроме одного только мистера Слэка, баптистского проповедника в Клейтоне; или добросердечный мистер Слэк – для него все люди были братья, кроме мистера Джефферсона, священника из Монахова Дуба. А вот мсье Рюдэн, французский роялист, эмигрант, живший на Пэнгдинской дороге. Когда он узнал о поражении Буонапарте, с ним сделались судороги от счастья, а потом его сотрясла ярость – потому что это ведь было и поражение Франции; так что после битвы на Ниле он рыдал от восторга, а на другой день – от бешенства, то хлопая в ладоши, то топая ногами. Помню, какой он был худой, и как прямо держался, и как изящно помахивал тросточкой; его не могли сломить ни холод, ни голод, хотя и того и другого на его долю приходилось в избытке. Он был горд и обращался с людьми с такою важностью, что никто не осмеливался предложить ему еду или одежду. Помню, какие красные пятна выступили на его худых скулах, когда мясник преподнес ему говяжьи ребра. Он не мог от них отказаться, но, выходя из лавки с высоко поднятой головой, он через плечо метнул в мясника гордый взгляд и сказал:

– У меня есть собака, сударь!

Однако всю следующую неделю сытый вид был у самого мсье Рюдэна, а не у его собаки.

Помню еще фермера Пейтерсона, теперь бы его назвали радикалом, а в ту пору как только его не обзывали – и прихвостнем Пристли <sup>1</sup>, и прихвостнем Фокса <sup>2</sup>, а чаще всего изменником. Тогда мне и в самом деле казалось, что только очень дурной человек может хмуриться, услышав о победе англичан; и мы с Джимом не стояли в стороне, когда у ворот фермы Пейтерсона сжигали соломенное чучело, изображавшее его самого. Но нам пришлось признаться, что он, может, и изменник, а все равно смельчак – как всегда, в коричневом сюртуке и в башмаках с пряжками, он большими шагами вышел из дому, прямо к нам, и отблески пламени плясали на его суровом лице школьного учителя. Ох, и задал же он нам головомойку, и как же мы были счастливы, когда наконец удалось потихоньку ускользнуть оттуда.

– Вы напичканы ложью! – сказал он. – Вы и вам подобные уже чуть не две тысячи лет проповедуете мир и только и делаете, что уничтожаете друг друга. Если бы все деньги, которые пошли на уничтожение французов, были потрачены на спасение англичан, вот тогда в самом деле стоило бы зажечь в окнах благодарственные свечи. Кто вы такие, как вы смели ворваться сюда и оскорбить человека, послушного закону?

– Мы народ Англии! – выкрикнул юный Овингтон, сын сквайратора.

– Это вы-то?! Да вы только и знаете, что скачки да петушиные бои, а что такое справедливость, об этом вы понятия не имеете! И вы осмеливаетесь говорить от имени народа Англии? Народ – это глубокий, могучий, безмолвный поток, а вы пена, пузыри, жалкая, бесполезная пена, которая плавает на поверхности.

---

<sup>1</sup> Пристли Джозеф (1733—1804) – английский священник, отстаивавший веротерпимость.

<sup>2</sup> Фокс, Чарльз (1749—1806) – английский государственный деятель, сторонник мира с Францией.

Тогда он казался нам очень скверным человеком, но сейчас, оглядываясь назад, я склонен думать, что и мы, пожалуй, были не лучше.

А еще у нас были контрабандисты! Даунс кишел ими; ведь законная торговля между Францией и Англией была запрещена, и все шло теперь по этому каналу. Однажды вечером я лежал в темноте на общественном выгоне среди орляка, и мимо меня бесшумно, точно форель в ручье, проскользнуло мулов семьдесят, и каждого вел человек. Каждый контрабандист к тому же нес по крайней мере два бочонка настоящего французского коньяка, либо тюк лионского шелку, либо валансьенских кружев. Я знал Дэна Скейла, вожака контрабандистов, и Тома Хислопа, офицера береговой охраны, и помню, как однажды вечером они встретились.

– Будешь драться, Дэн? – спросил Том.

– Да, Том, так просто не сдамся.

И тогда Том вынул пистолет и выстрелил Дэну в голову.

– Не хотелось мне его убивать, – рассказывал он потом, – но я знал: мне с ним не справиться, нам ведь уже приходилось встречаться.

И Том сам заплатил какому-то стихотворцу из Брайтона, чтобы тот сочинил эпитафию, и стихи эти всем нам казались очень искренними и хорошими. Они начинались так:

Увы! Не медлит пуля роковая,  
Летит, чело младое пробивая, —  
И пал он, вздох последний испустил,  
Навеки очи томные смежил...

Там были и другие строчки, наверно, эпитафию еще и сегодня можно отыскать на Пэтчемском кладбище.

Однажды, вскоре после нашего похода в замок, я сидел дома, разглядывал всякие диковинки, которые отец развесил по стенам, и, как все ленивые мальчишки, от души жалел, что мистер Лилли не умер до того, как написал латинскую грамматику; матушка вязала что-то, сидя у окна, и вдруг удивленно вскрикнула:

– Боже милостивый! Какая вульгарная особа!

Матушка так редко говорила о ком-нибудь плохо (кроме генерала Буонапарте), что я вскочил и кинулся к окну. По улице медленно двигалась коляска, запряженная малорослой лошадкой, и в ней сидела чудная-пречудная дама. Сама толстая, поперек себя шире, а лицо такое красное, что багровые щеки и нос даже отсвечивали лиловым. На голове большущая шляпа с изогнутым белым страусовым пером, а из-под полей глядят дерзкие черные глаза. Глядят так гневно, с вызовом, точно она говорит каждому встречному: можете думать обо мне, что хотите, но уж я-то вас ни в грош не ставлю. На плечи у нее было накинуто что-то вроде пунцово-красной мантильи, отделанной у шеи белым лебяжьим пухом, вожжи совсем провисли, а лошадь шла то по одной стороне дороги, то по другой – как вздумается. Коляска покачивалась, и голова в большущей шляпе тоже покачивалась в такт, и нам видно было то донце, то поля.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.